

НОВАЯ ПРОБЛЕМА ЗЛОГО ДЕМОНА И ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЛИЗМ*

Хорт Михаил Геннадьевич – аспирант, ассистент. Казанский (Приволжский) федеральный университет. Российская Федерация, 420008, г. Казань, Кремлевская ул., д. 35; e-mail: mikhort@gmail.com



В статье отстаивается интерналистская версия эпистемологии добродетелей. Эта позиция противоречит многим современным теориям эпистемических добродетелей, так как они в основном являются экстерналистскими. Отчасти это обусловлено тем, что экстернализм лучше согласуется с когнитивистикой, ситуационистской психологией и социологией знания. Еще одна причина заключается в том, что именно экстерналисты возродили интерес к аретическому подходу в рамках современной эпистемологии. Тем не менее автор показывает, что интернализм предлагает наилучший ответ на вопрос о сущности эпистемических добродетелей. В вводной части статьи даются классические определения интернализма и экстернализма. Объясняется, что автор будет использовать расширенное определение интернализма, для которого характерно включение в класс факторов обоснования эпистемических добродетелей. Вторая часть посвящена критике экстернализма. Инструментом критики выступает новая проблема злого демона. Автор обсуждает предлагаемые в литературе сценарии, при которых функция обоснования как надежного «проводника» к истине не может служить критерием эпистемической оценки. Описаны ситуации, при которых субъект обладает ложным, но обоснованным убеждением. Экстернализм не может объяснить подобные сценарии, что мотивирует отказаться от этого подхода. В третьей части статьи обсуждается недоксастический интернализм как возможный ответ на новую проблему злого демона. Автор считает, что обоснование должно рассматриваться как деонтологическое понятие. Условие надежности, которое является важным элементом экстернализма, должно быть заменено условием соответствующей мотивации. Это значит, что оценка субъектов, формирующих убеждения, должна осуществляться исходя из того, какими мотивами они обладают и как проявляют их в познании.

Ключевые слова: интернализм, экстернализм, деонтологизм, новая проблема злого демона, Голдман, Соса, эпистемология добродетелей

THE NEW EVIL DEMON PROBLEM AND DEONTOLOGICAL INTERNALISM

Mikhail G. Khort – PhD Candidate, Research Assistant. Kazan (Volga Region) Federal University.

The article defends an internalist version of the virtue epistemology. This point contradicts many contemporary theories of epistemic virtues, as they are mostly externalistic. This is partly due to the fact that externalism is more consistent with cognitive science, situationism and the social epistemology. Another reason

* Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.



35 Kremlevskaya Str. Kazan
420008, Russian Federation;
e-mail: mikhort@gmail.com

is that it was the externalists who revived interest in the aretic approach within the framework of modern epistemology. Nevertheless, the author shows that it is internalism that offers the best answer to the question about the essence of epistemic virtues. In the introductory part of the article, the classical definitions of internalism and externalism are given. It is explained that the author use an extended definition of internalism, which is characterized by the inclusion epistemic virtues in the structure of justification. The second part is devoted to critic of externalism. The New Evil Demon Problem is the instrument of analysis. The author shows that there are scenarios in which the function of justification as a reliable "guide" to truth cannot serve as a criterion for epistemic evaluation. Situations are possible in which the subject has a false but justified belief. Externalism cannot explain such scenarios, which motivates to abandon this approach. The third part of the article discusses internalism as a possible response to The New Evil Demon Problem. The author believes that justification should be considered as a deontological concept. The condition of reliability, which is an important element of externalism, must be replaced by the condition of correct motivation and epistemic debt. This means that the assessment of beliefs and subjects should be based on what motives they have and how they manifest them in cognition.

Keywords: internalism, externalism, deontology, the new evil demon problem, Goldman, Sosa, virtue epistemology

1. Недоксастический интернализм

Вопрос о статусе обоснования – основная причина разногласий между интерналистами и экстерналистами. Интерналисты считают, что обоснованность убеждения определяется психическими состояниями (связями между ними), которые доступны субъекту. При этом содержанием психических состояний являются другие убеждения. Таким образом, интерналисты классического типа утверждают, что убеждения обосновываются через другие убеждения. По этой причине классический интернализм можно назвать когерентизмом. Интернализм подобного типа с трудом согласуется с теорией эпистемических добродетелей, поскольку убеждения (даже истинные) сами по себе не могут считаться эпистемическим благом. С другой стороны, экстернализм, как кажется, лучше согласуется с аретическим подходом. Например, обращаясь к классической работе Элвина Голдмана «Каузальная теория познания» [Goldman, 1967], можно вывести такое определение экстернализма, в соответствии с которым убеждения необязательно должно быть «внутренним» рациональным соображением субъекта. Обоснование может и должно быть чем-то «внешним». Э. Голдман добавляет к знанию¹ ограничение

¹ Отдельно отмечу, что в статье не обсуждается проблема определения знания. Я отталкиваюсь от стандартного определения знания как истинного обоснован-



надежности: чтобы убеждение было эпистемически обоснованным и считалось знанием, оно должно быть произведено с помощью надежного процесса установления истины.

Так как эпистемические добродетели – это черты характера (или способности) носителя убеждения, которые, в свою очередь, ни в какой мере не являются убеждениями, то для согласования интернализма с теорией добродетелей необходимо расширить класс допустимых факторов обоснования. Идея подобного расширения не является новой в эпистемологии. Джон Поллок и Джозеф Круз предложили разделение на докстастический и недокстастический интернализм [Pollock, Cruz, 1999]. По их мнению, докстастические теории содержат следующее допущение: если человек придерживается одинаковых убеждений в двух возможных обстоятельствах, то независимо от характера этих обстоятельств он имеет одинаковое рефлексивно доступное обоснование в обоих случаях. Придерживаться этого допущения, по существу, означает придерживаться классического типа интернализма. Отказавшись от этого допущения, мы соглашаемся с расширением класса факторов обоснования. В частности, мы должны рассмотреть вопрос о включении в этот класс других, помимо рефлексии, состояний субъекта. Таким образом, недокстастический интернализм рассматривает в качестве факторов обоснования любые внутренние состояния, способности или черты характера субъекта. Интернализм данного типа отличается от экстернализма тем, что последний позволяет обосновывать не только внутренние состояния, способности и черты характера субъекта, но и отношения, которые эти внутренние черты имеют к внешнему миру. Таким образом, экстерналист требует не только правильной организации внутренних состояний субъекта, но и того, чтобы они надежно отражали истину или отслеживали «внешнюю» истину определенным образом. Последний тезис, который составляет основу всех версий экстернализма, может быть подвержен сомнению. Можно допустить такие сценарии, при которых ложное обоснованное убеждение представляет ценность. Подобные сценарии, которые в современных публикациях принято называть «новой проблемой злого демона», заставляют отказаться от экстернализма в пользу недокстастического интернализма, который, впрочем, правильнее было бы назвать «деонтологическим», о чем будет сказано в разделе (3).

ного убеждения, с условием, что под «обоснованным» подразумевается убеждение, сформированное благодаря интеллектуальной добродетели. Полемика задача статьи – показать, что экстернализм совершает ошибку, когда определяет ценность обоснования, а следовательно, интеллектуальной добродетели, через связь с истиной.



2. Новая проблема злого демона

Старой проблемой злого демона является широко известный аргумент, представленный Рене Декартом в «Рассуждениях о первой философии». Эта проблема является скептической, так как она показывает, что существуют сценарии, в которых мы не обладаем знанием о внешнем мире, собственных чувственных восприятиях и воспоминаниях. Новая проблема злого демона (The New Evil Demon Problem – NEDP) не является скептической. Хотя в ее основе лежит придуманный Декартом образ, она направлена на критику экстерналистски понимаемого обоснования в терминах надежности, а не знания в целом.

Клейтон Литтлджон дает следующее описание NEDP [Littlejohn, web]. Допустим, что существует ваш эпистемический двойник. Это значит, что все его убеждения совершенно идентичны вашим. Вы обладаете одинаковым когнитивным опытом. Его восприятия и воспоминания тождественны вашим, и он рассуждает точно так же, как вы. Его ментальные состояния идентичны вашим с самого рождения. Единственная разница между вами заключается в том, что двойник находится в мире картезианского обманщика, следовательно, его убеждения ложны, тогда как вы находитесь в «нормальном» мире и ваши убеждения не являются ложными. Рассуждая о своих убеждениях, вы приходите к выводу, что многие из них составляют знание. При этом точно такие же убеждения вашего эпистемического двойника не составляют знание, так как не являются истинными. Когнитивные процессы, которые служат для вас проводниками к истине, т.е. являются надежными, не приводят к такому же результату в мире двойника. Они всегда ненадежны. Следовательно, одни и те же процессы в одном мире являются надежными, а в другом – нет. Принимая фаллибилизм, экстерналисты соглашаются, что обоснование должно лишь с большей вероятностью, но необязательно всегда, приводить к истине. Надежные процессы – это те, которые повышают эту вероятность. Проблема с миром двойника заключается в том, что в нем любые когнитивные процессы с нулевой вероятностью приводят к истине. Исходя из этого, последовательный релайабилит должен заключить, что ваш эпистемический двойник не обоснован в своих убеждениях, потому что ни одно из них не порождено надежным процессом. Но этот вывод противоречит здравому смыслу. Тогда как мы согласны, что двойник не обладает знанием, мы не можем согласиться, что он не имеет обоснования своих убеждений. Двойник обладает обоснованным, но не истинным убеждением. Задача основанного на ограничении надежности экстернализма – объяснить эту интуицию.

Отвечая на NEDP, экстерналисты, как правило, отрицают исходный тезис, предполагающий, что эпистемический двойник в мире



картезианского обманщика не менее нас обоснован в своих убеждениях. Интуитивное согласие с тезисом не тождественно его истинности. Кент Бах в статье «В защиту релейабиллизма» [Bach, 1985] пишет, что заложенная в основной тезис NEDP интуиция основана на смешении двух разных явлений – обоснования убеждений и состояния обоснованности, в котором может пребывать субъект. К. Бах считает, что наш эпистемический двойник может считать, что его убеждения обоснованы (и так же считаем мы), но это не значит, что его убеждения действительно обоснованы. Критикующие при помощи NEDP релейабиллизм интерналисты превращают обоснование в исключительно ментальный феномен. Тем самым они сводят эпистемологическую проблему к психологической. Но эпистемология не задается вопросом о том, в каких случаях субъекту кажется, что он имеет обоснование. Теорию познания должны интересовать сами убеждения и их характеристики, а состояния субъекта при этом играют второстепенную роль. Поэтому «только экстернализм совместим с предположением, что в повседневной жизни мы используем рассуждения по умолчанию и что это рассуждение обычно приводит к обоснованным убеждениям и дает нам знания. Интернализм может быть подходящим как концепция того, что значит для человека быть обоснованным в убеждениях, но не как концепция самого обоснованного убеждения» [ibid., p. 260]. Иными словами, NEDP высвечивает интуицию о состояниях эпистемического двойника, а не о его убеждениях.

Схожую критику NEDP осуществляет Майлан Энгел. В статье «Персональное и докстическое обоснование» [Engel, 1992] он предлагает рассмотреть два требования к обоснованию, которые, как он считает, интерналисты используют в качестве эквивалентных: «(JR1) S знает, что p только если для S эпистемически обосновано считать, что p. (JR2) S знает, что p только если убеждение S, что p эпистемически обосновано» [ibid., p. 133]. Так как для интерналистов нет разницы между JR1 и JR2, то мы можем записать их в виде единого тезиса эквивалентности: «(ET) S эпистемически обоснован в убеждении что p ттт убеждение S что p эпистемически обосновано» [ibid.]. Таким образом, интуиция в исходном тезисе NEDP основана на предположении, что если субъект обоснован в своих убеждениях, то и сами убеждения обоснованы. Но действительно ли это одно и то же? М. Энгел приводит пример, чтобы продемонстрировать ложность ET. Представим студентку Салли, которая изучает логику. Но ее преподаватель – обманщик. Он говорит ей, что *modus ponens* – это недействительный способ осуществления логического вывода. Так как Салли не знает, что ее преподаватель некомпетентен, она начинает считать, что осуществить вывод по *modus ponens* невозможно. Но ее убеждение, что *modus ponens* не валидный способ вывода, основано на процессе вывода по *modus ponens*. Получается, что убеждение



Салли обосновано (так как получено благодаря надежному процессу), но сама Салли не может рассматриваться как обладающий обоснованием субъект (в условиях ее мира она проявляет эпистемическую безответственность, формируя убеждения на основании *modus ponens*). Таким образом, этот пример показывает для М. Энгела, что мы можем различать обоснованность убеждений и состояния обоснованности субъекта: «поскольку две части (ЕТ) имеют разные области оценки, они даже не претендуют на то, чтобы относиться к чему-то одному» [Bach, 1985, p. 135]. (JR1) оценивает субъектов, поэтому М. Энгел называет это требование «персональным обоснованием». (JR2) оценивает убеждения как таковые, поэтому данное требование может быть названо «доксастическим обоснованием». Вывод из этого такой же, как у К. Баха, – эпистемология занимается доксастическим обоснованием, тогда как сценарий NEDP описывает разницу в персональном обосновании. Следовательно, NEDP не применим к релейабиллизму.

Помимо К. Баха и М. Энгела схожие рассуждение о разнице между обоснованным убеждением и состоянием обоснованности можно найти у многих экстерналистов. Тем не менее такой ответ не является удовлетворительным. Уже в исходной статье Стюарта Коэна «Обоснование и истина» [Cohen, 1984], где впервые представлен схожий с NEDP аргумент, обсуждается указанное возражение. По мысли С. Коэна, резко различая состояния обоснованности и обоснование убеждений, экстернализм не обращает внимания на нормативный характер обоснования. Сделаем этот тезис более наглядным. Для этого я трансформирую NEDP так, чтобы подчеркнуть важность нормативного характера обоснования, который не учитывается релейабиллистами. Назовем модифицированный сценарий NEDP2.

Итак, теперь мы рассмотрим такой мир W , в котором имеется два субъекта – $S1$ и $S2$. Важной особенностью W является то, что любые убеждения, которые $S1$ и $S2$ считают знанием, – ложны. Это «знание» внушено картезианским демоном. То есть W – это мир нашего эпистемического двойника из стандартного сценария NEDP. Иными словами, опыт $S1$ и $S2$ отвечает требованиям согласованности, но он во всех случаях неправильно репрезентирует мир, в котором они живут. Также допустим, что между $S1$ и $S2$ есть определенные различия. В то время как $S1$ во всех возможных случаях стремится быть эпистемически добродетельным субъектом, $S2$, напротив, абсолютно не добродетелен. Это значит, что $S1$ стремится быть максимально благоразумным при формировании убеждений: он старается как можно надежнее обосновать свои убеждения, воздерживается от поспешных обобщений, открыт к критике, рассматривает разные точки зрения и т.д. Второй субъект обладает другими качествами: он легковерен, не ищет подтверждений, осуществляет поспешные обобщения и не критичен.



S1 является образцом хорошего эпистемического субъекта. Тем не менее из-за наличия в W всемогущего обманщика ни одно из его убеждений не является истинным². Ни один из процессов, которые он использует, не является в конечном счете надежным. С другой стороны, S2 безответственен в формировании своих убеждений, и его убеждения так же ложны из-за влияния демона. Возникает вопрос: различны ли эпистемические позиции S1 и S2? Они оба не обладают и в принципе не могут обладать истинным убеждением. Но важно ли это в условиях W? Интуиция подсказывает нам, что позиция S1 более ценна. Но как мы можем объяснить эту разницу? В предыдущем сценарии релейабилитист мог сослаться на разницу в обстоятельствах, но теперь субъекты в одном мире. И оба описанных субъекта в равной мере ненадежные источники знания. Они оба ошибаются во всех своих убеждениях. Таким образом, с точки зрения релейабилитистской теории оба субъекта в равной мере не обладают обоснованием. Более того, поскольку для релейабилитизма обоснование зависит только от надежности, благоразумный субъект S1 не более обоснован, чем легковерный S2. Но интуитивно мы чувствуем, что благоразумие в любом случае предпочтительнее. Следовательно, релейабилитизм еще больше противоречит нашей интуиции.

Это противоречие связано с тем, что релейабилитизм рассматривает обоснование как «проводник» к истине. С критики этой позиции и начинается статья С. Коэна. Отталкиваясь от общего определения знания как JTB, он ставит вопрос о связи обоснования и истины [Vach, 1985, p. 280–281]. Какие возможны точки зрения относительно данной связи? Во-первых, можно считать, что обоснование влечет за собой истину. Подобный взгляд присущ Декарту. Суммировать позицию картезианства можно так: С обосновывает убеждение В для S ттт из С логически следует истинность В. Этот тезис влечет скептическую проблему. Аргумент злого демона показывает, что для любого S возможно С, которое влечет не-В, хотя S убежден в В.

Экстернализм, отвергая инфаллибилитизм Декарта, предлагает новое описание связи обоснования и истины. Теперь эта связь носит вероятностный характер. Это значит, что обоснование необязательно влечет истину, но предпочтительно именно то обоснование, которое влечет ее с наибольшей вероятностью. Подобный пробабилитизм является фундаментом теории Элвина Голдмана. Для него не существует необходимой связи между обоснованием и истиной [Goldman, 1979, p. 101]. Эта связь исключительно вероятностна и определяется надежностью когнитивного процесса, порождающего обоснование. Позицию Э. Голдмана можно суммировать так: С обосновывает В

² Речь идет об убеждениях относительно внешнего мира. Убеждения субъекта относительно его собственных ментальных состояний в данном сценарии не рассматриваются.



для S ттт С делает вероятным истинность В. К данному определению старая картезианская проблема злого демона не применима. Ограниченное надежностью процесса, обоснование необязательно должно приводить к истине. Для релайабиллизма скептическая гипотеза Декарта показывает лишь то, что существуют ненадежные процессы.

Тем не менее благодаря NEDP мы можем представить демона, который искажает наши когнитивные процессы. Может оказаться так, что нам кажется, будто наши убеждения порождены надежным процессом, тогда как на самом деле он во всех случаях искажен. Являются ли в таком случае наши убеждения обоснованными? В данном сценарии наш познавательный опыт остается прежним, словно когнитивные процессы не нарушены. Следовательно, с точки зрения релайабиллизма у нас есть основания придерживаться сформированных убеждений точно так же, как и в обычном мире, где нет демона. Но в действительности наши процессы ненадежны, что не согласуется с фундаментальным условием релайабиллизма.

Пытаясь обойти сценарии вроде NEDP, экстерналисты модифицировали свои теории, попытавшись учесть нормативный характер обоснования. Э. Голдман в поздних работах проводит различие между двумя задачами эпистемологии – дескриптивной и нормативной [Goldman, 1993, p. 273]. К описательной эпистемологии относятся наши «обыденные» стандарты обоснования, которые формируются на основе представлений об эпистемических добродетелях. При этом мы верим в эпистемические добродетели, потому что считаем их надежными проводниками к истине. Основанная на надежности процесса, ценность эпистемической добродетели составляет основу нормативного ядра эпистемологии.

При помощи двухэтапного релайабиллизма Э. Голдман пытается объяснить сценарии вроде NEDP2. Когда мы рассматриваем процессы формирования убеждений благоразумного субъекта S1, мы обнаруживаем, что они включены в список процессов, которые мы считаем добродетельными. Убеждения S1, следовательно, считаются нами обоснованными. В случае легковверного S2 все иначе: используемые им когнитивные процессы рассматриваются нами как порочные, следовательно, его убеждения не обоснованы. При этом мы знаем, что процессы, используемые S1 и S2, на самом деле в равной мере ненадежны. Здесь играет роль двухэтапная структура нашей «обыденной» эпистемологии. Хотя мы должны учитывать надежность процесса при принятии решения о добавлении его в наш список добродетелей, мы не принимаем во внимание надежность процесса, когда в конкретном случае применяем наш список добродетелей. На втором этапе оценки (этапе фактического применения) имеет значение только нахождение в списке добродетелей, а не надежность.



Попытка Э. Голдмана обойти сценарии вроде NEDP2 кажется неудовлетворительной. Его теория не может сказать нам, почему безответственный субъект на самом деле менее обоснован, чем ответственный, а только то, почему нам кажется, что это так. Отталкиваясь от описательной, обыденной эпистемологии, мы можем понять, почему люди называют благоразумного субъекта добродетельным, а его убеждения обоснованными. Но нормативная эпистемология релейабилитета утверждает, что обоснованы только те убеждения, которые порождены действительно надежным процессом. Следовательно, нормативная теория должна настаивать на том, что благоразумный субъект на самом деле не имеет обоснования. Таким образом, теория Голдмана скорее не решает проблему, а пытается ее обойти.

Другой важной попыткой сохранить экстернализм, обойдя при этом NEDP, является теория Эрнста Сосы. Особенность его теории в том, что он делает добродетели зависимыми от контекста. Добродетель – это способность, проявляющаяся в соответствующей среде. Допустим, если субъект находится в освещенной комнате, он может использовать свое зрение, чтобы обосновывать свои убеждения относительно зрительных восприятий. Добродетель, исходя из этого, все еще понимается в экстерналистском смысле, она связана с надежными когнитивными процессами. Отличие от теории Э. Голдмана заключается в том, что эти процессы должны проявляться в соответствующей среде.

Тем не менее мы можем спросить: является ли наличие такой надежной способности «добродетелью»? Э. Соса отвечает, что он дает «широкое» определение добродетели, которое отличается от «узкого» аристотелевского определения: «Есть более широкое значение “добродетели”, по-прежнему греческое, в котором все, что имеет функцию – естественную или искусственную, – действительно имеет добродетели. В конце концов, у глаза есть свои достоинства, как и у ножа. Если мы включим обладание истиной об окружающей среде в число важных целей человеческого существования, тогда зрение является добродетелью в широком смысле; и если постижение истины является интеллектуальным делом, тогда эта добродетель также в прямом смысле является интеллектуальной» [Sosa, 1991, p. 271].

Интеллектуальные добродетели для Э. Сосы – это надежные когнитивные способности, то есть способствующие достижению истины зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, память, рефлексия и рациональность. Указанные способности должны быть более чувствительны к контекстам. Параметры контекста могут повлиять на надежность процесса и, как результат, повлиять на то, обоснован ли субъект. Эпистемическая добродетель проявляется в среде. Данный тезис частично решает проблему «жесткости» релейабилитета (в том смысле, что надежность процесса не зависит от обстоятельств). Вместо того чтобы спрашивать о надежности процесса



в целом, мы можем спросить о надежности процесса в соответствующей среде.

Попытаемся применить теорию Э. Сосы для решения NEDP2. Исходя из его гипотезы, мы должны утверждать, что, хотя благоразумный субъект S1 ненадежен по отношению к контролируемой демонами среде, он, тем не менее, надежен по отношению к среде, в которой, как он предполагает, находится. У S1 отсутствуют какие-либо доказательства ненормальности среды, более того, такие доказательства в принципе не могут возникнуть по условиям задачи. Опыт благоразумного субъекта нормален в ненормальной среде, поэтому он заключает, что его когнитивные процессы надежны. В обычном мире этот субъект реагировал бы точно так же, как и любой эпистемически добродетельный субъект. Оба, не имея доказательств обратного, предполагают, что они находятся в нормальной среде, и оба верят, что их процессы надежны в этой среде. Принимая во внимание эту параллель, мы можем считать, что если S1 имеет обоснование в обычном мире, то следует также приписать ему обоснование и в мире демонов.

Э. Соса сосредотачивается только на условной надежности, основанной на среде, в которой, по мнению субъекта, он находится. Здесь возникает проблема. Для S1 приемлемо предположить, что он находится в нормальной среде, и, основываясь на этом, приписывать себе обоснование. Но мы знаем, что этот субъект в ненормальной среде, и, тем не менее, тоже приписываем ему наличие обоснования. Э. Соса дал нам объяснение, почему благоразумный субъект может думать, что он имеет обоснование, но он не дал нам объяснения, почему мы думаем, что он имеет обоснование. Субъект не является интеллектуально добродетельным по отношению к своему реальному окружению, и мы это знаем. Таким образом, кажется, что релятивность добродетели к окружающей среде или контексту не является адекватным решением NEDP2. Для нас S1 эпистемически добродетелен даже в неудачном окружении. Дело не только в том, что он был бы добродетельным, находясь в лучших обстоятельствах. Он добродетелен и в плохих обстоятельствах. Несмотря на то что добродетель рассматриваемого субъекта не ведет к успеху, как это обычно бывает, у него все же эта добродетель есть. Таким образом, предложение Э. Сосы не объясняет имеющуюся интуицию.

3. Деонтологический интернализм как решение NEDP

Выше подробно рассмотрена критика при помощи NEDP только двух классических экстерналистских подходов, которые были выбраны как наиболее типичные. Но эта критика может применяться



к любой версии экстернализма. Даже «смешанные» теории в стиле Линды Загзебски сталкиваются с противоречием при попытке согласовать их со сценариями вроде NEDP. Судя по всему, такому возражению подвергнуты любые теории, которые рассматривают обоснование как «проводник» к истине и делают эпистемические добродетели производными от надежности.

Ценность обоснования не в его связи с истиной, а в возможности проявления эпистемических качеств субъекта, что объясняет интернализм. Можно сказать, что обоснование прежде всего выполняет деонтологическую функцию в регуляции нашего познания, а не функцию «проводника» к истине. Данный взгляд, в определенной степени, возвращает нас к современным теориям. Алвин Плантинга считает [Plantinga, 1993, p. 11–12], что такие важнейшие фигуры в западной эпистемологии, как Декарт и Локк, придерживались именно деонтологического взгляда на обоснование. В отличие от современных экстерналистских теорий, для указанных классиков обязательства и долженствования – это необходимый элемент убеждений. Более того, эти обязательства носят моральный характер, поэтому их следует называть «деонтологическими». Подобный тезис можно обнаружить в Четвертом размышлении Декарта, когда он объясняет связь ошибочных убеждений и свободы воли: «Когда же я недостаточно ясно и отчетливо воспринимаю то, что истинно, и при этом воздерживаюсь от суждения, мне ясно, что я нахожусь на верном пути и не заблуждаюсь. Если бы я в этом случае позволил себе утверждать либо отрицать, я неправильно воспользовался бы своей свободой воли; если бы я отклонился в сторону лжи, я бы ошибся; а если бы я подался в противоположном направлении, я случайно натолкнулся бы на истину, однако не избавился бы от чувства вины, ибо благодаря естественному свету очевидно, что интеллектуальное восприятие всегда должно предшествовать решению воли. В этом неправильном использовании свободы воли содержится отрицание, образующее форму ошибки: оно содержится, говорю я, в самом действии, поскольку оно исходит от меня, но вовсе не в способности, полученной мною от Бога, и также не в том действии, которое зависит только от него» [Декарт, 1994, с. 49].

В процитированном фрагменте мы видим, что для Декарта док-састические ошибки являются следствием злоупотребления свободой воли в эпистемическом отношении. Субъект заслуживает порицания, если он придерживается ошибочных убеждений и не стремится исправить свое положение. Из этого следует, что у каждого человека есть определенные эпистемические обязательства. Долг человека как эпистемического субъекта – воздерживаться от тех убеждений, которые не являются достаточно ясными (т.е. достаточно обоснованными). Иметь обоснование может лишь тот, кто выполняет свой эпистемический долг, реализуя познавательные обязанности. Стоит отметить,



что для Декарта познавательные обязанности важнее познавательных способностей. Первое зависит от самого субъекта (связано с его свободой воли), тогда как второе является внешним условием. Поэтому в сценарии NEDP2 у Декарта есть способ объяснить разницу между двумя субъектами: благоразумный субъект «правильно» использует свою свободу воли, тогда как легковверный – нет, он от нее отказывается.

Схожего взгляда придерживается Локк в своем «Опыте о человеческом разумении». Он пишет практически то же самое, что и Декарт: «Кто верит (в оригинале – “he that believes”), не имея оснований для веры, тот увлечен своими собственными фантазиями; но он не ищет истины, как обязан это делать, и не выполняет долга послушания своему творцу, который желает, чтобы человек пользовался своими способностями различения, данными ему творцом, чтобы предохранить его от ошибок и заблуждений. Кто не пользуется ими по мере своих сил, может порой обнаружить истину, но будет прав только случайно; и я не знаю, может ли удачный результат этого случая служить оправданием для неправильного образа действий. По крайней мере достоверно, что такой человек должен отвечать за все свои ошибки. Напротив, кто пользуется данными от бога светом и способностями и искренне старается открыть истину при помощи имеющихся у него средств и дарований, тот, исполняя свой долг разумного существа, может найти себе удовлетворение в том, что хотя он, может, и не достигнет истины, но его не минует награда за исполнение долга» [Локк, 1985, с. 167].

Как и Декарт, Локк постулирует необходимость рассмотрения процесса формирования убеждений через долженствование. Обоснование оказывается зависимым от набора обязательств, которые есть у субъекта. Реализация данных обязательств делает субъекта носителем обоснованного убеждения. Так же как моральные правила регулируют наше поведение, поступки, эпистемические правила регулируют наше познание. Таким образом, по крайней мере исторически, эпистемология является нормативной дисциплиной, а термин «обоснование» (его аналоги) в нововременной философии являлся деонтологическим понятием, связанным с регуляцией познавательных процессов, а не просто с их описанием.

Тем не менее, как указывает А. Плантинга [Plantinga, 1993, p. 14], есть отличие между философией Декарта и Локка. Для первого обоснование не существует в отрыве от истинного убеждения. Только предельно ясные и истинные убеждения могут быть обоснованы. Это значит, что всякое обоснованное убеждение является знанием, а обоснование всегда подразумевает истинность. Деонтологическая регуляция относится к знанию в целом. Локк же «разрывает» указанную связь. Для него «знание» и «убеждение» – это разные состояния, и регуляция относится исключительно ко второму. С его точки



зрения наша обязанность – придерживаться только тех убеждений, которые для нас обоснованы. При этом они вполне могут оказаться ложными. Важнее, чтобы мы сделали все возможное в эпистемическом отношении при формировании убеждения. Если убеждение обосновано, оно, конечно, будет рассматриваться нами как истинное и составляющее знание. Но истинность – это случайный, не зависящий от субъекта фактор, тогда как обоснование зависит исключительно от него. Отсюда мы можем сделать важный вывод, который можно рассматривать как контраргумент к экстерналистскому разграничению состояния обоснованности и обоснованных убеждений. Судя по всему, состояние обоснованности и определяет обоснованные убеждения. Есть субъекты, служащие носителями обоснования, а есть убеждения, служащие носителями истины. Знание имеется тогда, когда действуют оба фактора, но так как второй из них не в полной мере зависит от субъекта, то он не может представлять интерес для эпистемологии как нормативной дисциплины. Тезис о том, что обоснование – это нормативный или деонтологический термин составляет основу интернализма. Экстернализм же выстраивается как дескриптивная теория. Указанное различие составляет основную причину споров между данными подходами.

Объединив приведенные выше доводы, мы приходим к выводу, что структура добродетелей, используемая для эпистемологии, должна быть интерналистской. Такая структура позволяет нам отказаться от связи обоснования и истины, которая приводит к противоречиям в сценарии NEDP. Истина – случайный элемент знания, не зависящий от субъекта. Но эпистемология добродетелей будет адекватной теорией только в том случае, если она даст перспективу достижения обоснования через добродетели даже в мире картезианского обманщика. Такая эпистемология будет инструментом для оценки эпистемических субъектов и определения познавательных норм. Подобную точку зрения в эпистемологии часто называют «деонтологизмом» [Sutton, 2005, p. 364].

Приведенные выше цитаты Локка и Декарта показывают, что возможно рассматривать обоснование не через связь с надежными когнитивными процессами, а через связь с использованием свободы воли, то есть с мотивацией субъектов. Иными словами, «компонент надежности» в структуре знания должен быть заменен «компонентом мотивации». Только обращая внимания на мотивацию, мы можем сравнить S1 и S2 в NEDP2 и объяснить разницу между ними. Впрочем, здесь мы сталкиваемся с затруднением, которое связано с тем, что мотивацию возможно отслеживать только по внешним проявлениям. Это затруднение усиливается, если мы представим сценарии, в которых субъект не только должен действовать в соответствии со своей протекающей из добродетелей мотивацией, но и игнорировать другие, конкурирующие и проистекающие из других добродетелей мотивы.



Указанное затруднение устраняется, если вспомнить, что действия, мотивированные эпистемическими добродетелями, направлены на формирование убеждений. Причем, будучи добродетельными субъектами, мы хотим придерживаться истинных убеждений (и в этом состоит ограниченная роль истины в нашей структуре добродетелей). Но придерживаться истинных убеждений – это условие мотивации в конкретной эпистемической ситуации, тогда как общая цель нашей эпистемической жизни – быть добродетельным субъектом, реализуя на практике комплекс эпистемических добродетелей вроде открытости ума, критичности, умеренности в суждениях и т.д. Таким образом, истина представляет ценность, но мы можем объяснить и ситуации, когда ценность представляют ложные обоснованные убеждения.

Представим себе полицейского, который мужественно выполняет свои обязанности, но все-таки не спасает заложника. Мы не перестаем считать его героем, а его действия морально одобрительными. Возможность схожей оценки дает интернализм в эпистемологии: благоразумный субъект, обладающий правильной мотивацией и действующий в соответствии с ней, может все-таки не достичь истины, но мы будем считать его позицию более предпочтительной. Представим двух врачей, к которым поступили пациенты с неизвестной болезнью, симптомы которой идентичны уже известной патологии. Один врач, будучи эпистемически добродетельным, ставит диагноз после тщательного исследования, а второй делает случайное заключение. Допустим, что в конечном счете их диагноз одинаков. Но одного врача мы осуждаем, а второго, наоборот, хвалим. Мы оцениваем не истинность их заключения, а то, хотели ли они вообще ее достичь. Нас интересует, обладали ли они мотивацией, соответствующей эпистемической роли врача. Исходя из этого, выведем следующее определение: эпистемическая добродетель – это такая черта характера, которая мотивирует субъекта к достижению специфических познавательных целей формирования истинных убеждений. При этом, что важно, обладание добродетелями и их развитие предшествует поиску истины, а потому более ценно. Как отмечает Джеймс Монтмаркет, «ищущий истины должен быть ищущим эпистемической добродетели и, в этом отношении, искателем обоснованного убеждения» [Montmarquet, 1987, p. 491].

Таким образом, мы можем видеть, что роль эпистемических добродетелей не ограничивается функцией «надежного проводника» между обоснованием и истиной. Напротив, истина представляет инструментальную ценность относительно абсолютной ценности возможности реализации эпистемических добродетелей. Конечно, будучи ответственными эпистемическими субъектами, мы стремимся достичь истинных убеждений. Но это лишь частный способ проявления интеллектуальных совершенств. Стремление к истине играет особую роль в эпистемологии и помогает нам в выявлении особого



класса эпистемических добродетелей. И тем не менее, даже не обладая истинным убеждением, можно быть эпистемически добродетельным субъектом.

Список литературы

- Декарт, 1994 – Декарт Р. Размышления о первой философии / Пер. с лат. С. Шейнман-Топштейн // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 3–73.
- Локк, 1985 – Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Пер. с англ. Ю. Давидсон // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1985. С. 3–202.

References

- Bach, 1985 – Bach, K. “A Rationale for Reliabilism”, *The Monist*, 1985, no. 68, pp. 246–263.
- Cohen, 1984 – Cohen, S. “Justification and Truth”, *Philosophical Studies*, 1984, no. 46, pp. 279–296.
- Descartes, R. “Razmyshleniya o pervoi filosofii” [Meditations on First Philosophy], trans. by S. Sheinman-Topshtein, in: R. Descartes. *Sochineniya* [Complete Works], vol. 2. Moscow: Mysl’ Publ., 1994. pp. 3–73. (In Russian)
- Engel, 1992 – Engel, M. “Personal and Doxastic Justification”, *Philosophical Studies*, 1992, no. 67, pp. 133–151.
- Goldman, 1967 – Goldman, A. “A Causal Theory of Knowing”, *The Journal of Philosophy*, 1967, vol. 64, no. 12, pp. 357–372.
- Goldman, 1993 – Goldman, A. “Epistemic Folkways and Scientific Epistemology”, *Philosophical Issues*, 1993, no. 3, pp. 271–285.
- Goldman, 1979 – Goldman, A. “What is Justified Belief?”, in: G. Pappas (ed.), *Justification and Knowledge: New Studies in Epistemology*. Boston: D. Reidel, 1979, pp. 1–25.
- Littlejohn, web – Littlejohn, C. “The New Evil Demon Problem”, *Internet Encyclopedia of Philosophy*. [<https://iep.utm.edu/evil-new.html>, accessed on 20.07.2021].
- Locke, J. “Opyt o chelovecheskom razumenii” [An Essay Concerning Human Understanding], trans. by Yu. Davidson, in: J. Locke. *Sochineniya* [Complete Works], vol. 2. Moscow: Mysl’ Publ., 1985. pp. 3–202. (In Russian)
- Montmarquet, 1987– Montmarquet, J. “Epistemic Virtue”, *Mind*, 1987, vol. 96, no. 384, pp. 482–497.
- Plantinga, 1993 – Plantinga, A. *Warrant: The Current Debate*. New York: Oxford University Press, 1993, 240 pp.
- Sosa, 1991– Sosa, E. *Knowledge in Perspective: Selected Essays in Epistemology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991, 316 pp.
- Sutton, 2005 – Sutton, J. “Stick To What You Know”, *Nous*, 2005, no. 39, pp. 359–396.